

Василий ШУПЕЙКИН

ПРОЧЬ ВСЕ СОМНЕНИЯ... ИЛИ ПРИЗНАНИЕ НАЧИНАЮЩЕМУ

Эссе-монолог

Думаю, всякий это пережил...

И я не исключение. И он, вон тот, признанный при жизни классиком.

Было время – берусь за перо и сомневаюсь: а как? А вдруг?.. Куда лезешь, спрашиваю себя, ты что, писатель?

Но в какой-то момент, бывало, и среди ночи, кто-то там, внутри, давай, говори, излейся мыслью, претвори задуманное. (У тебя так же? Ага?..) И сила неведомая тотчас влечет к столу, включает компьютер – перо наше новомодное, и...

И ты замираешь, не в силах выдать первое предложение. Потому что сомневаешься, будет ли оно достойным началом повествования, изложения твоего переживания, рассказа о том, чего пока никто не знает, того, о чём до тебя никто не писал. И, самое главное, не писал так, как напишешь это ты.

«Напишешь?

Ты напишешь?

А ты что, писатель?» – тихонько тренькает внутри души КТО-ТО.

И такое случается всё чаще...

...И вот – «рабочий стол» весь в доках Майкрософта.

А никто этого не читал!

Ну да – ты же никому не раскрываешь душу. Сам себя убеждаешь, мол, излился сокровенным, и от того покоен.

«Как же, как же, знаем, – подначивает ЭТОТ, – ты же душой и сердцем творишь! Да?»

А ты ему, убежденно так: «По-другому писать не положено. “Каждый пишет – как он дышит” – правильно замечено».

«А если правильно – иди в редакцию толстого журнала, носи рукопись на суд профессионалов... Сомневаешься, что тебя примут? Иди!

Бери пять своих лучших страниц с рассказом... О любви, конечно. Кто же начинает с другой темы? Разве только эти: публицисты-политологи, аграрники-деревенщики. Или, вот! – сатирики-юмористы еще...

Но ты же – беллетристом себя мнишь. Так что ступай, мой друг, в редакцию толстого журнала...»

И ты идешь. Сомневаешься, стесняешься, краснеешь и бледнеешь, но идешь! Оставляешь в редакции, но вовсе не редактору, а Танечке, той, что всегда на посту, свою драгоценную рукопись на «бумажных носителях». (Бррр! Новояз, его в душу!) А Танечка, даже не глянув на ровные строки рассказа, тут же даёт ответ: «Если редакторат одобрит к печати, пришлёт электронный носитель».

Быстрее, скорее, стремглав ты вылетаешь вон из этой редакции! Мысли шальные, как пчелы, роятся. Даже не взглянула! Не прочла! Не восхитилась!!! Да кто она такая?!

«Ты даже не спросил, кому вверил выстраданное?! – подливает масла в огонь праведного гнева ВНУТРЕННИЙ. – Волновался? А теперь сомневайся: а вдруг не отдаст самому главному в журнале кровью души написанную вещь?»

Вещь? Стоп! Надо срочно разбираться в литературных жанрах...

«Зачем тебе это? – ёрничает Тот, что не дает тебе покоя. – Ты же не писатель».

Я – не писатель?! А кто же тогда написал то, что сейчас лежит в редакционном компьютере и ждёт публикации в мартовском номере? Танечка позвонила и обрадовала: «Одобрели!»

Но ТОТ, который поднял тебя среди ночи и заставил сомневаться над первой строкой, вновь ехидно замечает: поживём, подождём мартовский журнальчик.

Бог мой! Ну почему так медленно идут дни, ползут недели, а январь длится дольше века...

Нет, не месяц! «И дольше века длится день!»... Кто написал? Пастернак. Потом Айтматов в заглавие романа превратил!

«Аааа! – “писатель” всё-таки изучил, каковы они, литературные формы и жанры. Чингиз Торекулович не писал “вещи”, это точно. У него всё произведенное – шедевры!»

Через месяц несколько успокаиваешься. Через три ты уверен: журнала с твоими виршами не будет никогда. Кажется... нет, наверное, его закрыли...

Но в конце апреля мартовский номер выходит в свет.

«Денег на бумагу не было. Так что и гонорара не ждите, – без эмоций усталым голосом поясняет Татьяна Васильевна. – А вы что, сомневались? Думали, не достойны? Пишите еще, у вас получается...»

Ты бежишь по киоскам и скупаешь журналы. Экземпляров десять!

Как десять? Почему только десять?! Аааа, бумаги у них мало, оттого и тираж небольшой. Но и десять журналов, как окажется потом, для дарения самым дорогим и близким людям – многовато: любимых не бывает много! Но это – потом. А пока...

Ты идешь по тротуару центрального проспекта. Апрель – звенит капель! Мощная рифма! Ага... Постой, а чего это я только прозаик?

«Он – уже прозаик!» – подхихикивает внутри ЭТОТ. Ну, ТОТ, помните гада, что душил в тебе «души прекрасные порывы»? А это кто сказал? Ну да, коллега А. С. Скоро и я выдам нечто про «Я Вас любил...» и всё такое.

«Ооо! Ты уже два раза побывал в редакции, понял, что поэты – высшая каста. Правда, одиноки и завистливы. Но завидуют не прозаикам. Ещё чего не хватало, опуститься до письма без рифмы, метафоричности, изящности слога... Так, срочно изучай, из “какого сора произрастают все...” их?.. ихние?.. Их стихи. Эка, брат прозаик, с грамотёшкой у нас пока что не того-этого. Мне стыдно. А тебе?»

Ладно, и это изучим...

...Итак, апрель, капель, солнце над головой, замечательные люди – на встречу, и...

И ни одного знакомого лица, которому ты, писатель, глядя прямо в глаза, смог бы нечаянно так, как о самом обыденном заявить: «Вот, из редакции иду. В свежем номере тиснули мой рассказ. Прошел три киоска – всё раскупили за один день. Получается, раритеты выкупил. Держи... Дарю!»

«Ого! Старик, а я и не знал, что ты писатель», – скажет встреченный знакомый. (Восхищенно... Доброжелательно.)

И так тебе захочется его обнять.

А если это она – расцеловать. И тут же приступить к написанию «Я вас любил...». Эхма! Ради кого творим?! Чьё сердце к себе располагаем?

Ты приходишь домой. Бережно листаешь страницы журнала. Говоришь себе, что не надо спешить, оттягиваешь момент пролистывания к семьдесят восьмой... Пусть сюрприз продлится еще пару минут...

Опаньки! А это что? Как же так?! Это же не мой рассказ! Имя и фамилия сверху мои, а заголовок другой! В глазах рябь, сердце – молот в горле.

«Абыдна, дааа? – с кавказским акцентом подначивает тебя ЭТОТ. – А вот так, писатель, хи-хи. Редакция оставляет за собой право правки ваших опусов. И точка! Кстати, точки, запятые и разные там тире они тоже расставят. Хотя мог бы и сам. Подучись!»

Разобрался: текст мой, почти весь. Но осадочек остался: может быть, только в этой редакции так вольно с авторами обращаются? Не буду писать им более! (И у тебя такое было?)

Но ты же не можешь не писать?! ЛНТ когда ещё заметил: «Писать надо только тогда, когда не можешь не писать». И ты уже давно так живёшь. Даже эти недописатели – сатирики, своим перефразом «Можешь не писать, не пиши!» не отвратили тебя от осмысления мира с помощью пера и бумаги.

На днях дали анкету заполнить. В графе «какими ещё профессиями владеете» хотелось написать «писатель». А как доказать? Не журналы же прикладывать.

Ты подкарауливаешь момент – уже пять твоих рассказов опубликованы, в редакции чаем угощают – и, как бы невзначай, спрашиваешь главного редактора, можешь ли ты называться писателем.

Только на секунду маститый поэт замирает в молчании...

И сомнение дает новый росток.

Ну да, ты же не принял в сообщество авторов нетленных виршей.

«А вы подавали заявление в Союз писателей?» – главред вопросом на вопрос скрашивает неловкость ситуации.

«Пиши, пиши, заявляйся, – подбадривает тебя ОН. – Ничего страшного, просто еще пару годков поживешь в сомнениях. Может, к тому времени книжку свою издашь. За свой счёт! Хи-хи! С книгой тебе станет легче приняться в Союз писателей! Настоящих писателей. Не сомневайся – примкнешь...»

А вдруг не примут? А если скажут, что образование не из того института?..

Ты сомневаешься и продолжаешь ждать официального признания. Всё-таки хочешь стать своим среди своих.

Может быть, ну его, это творчество, хватит душу рвать? Не писать?..

Всё! Решено!

Но однажды... Забыв про вожделенный членский билет, ты садишься за стол и начинаешь новый опус. Мир преобразается: перо меняет в нём людские судьбы, обнажает души героев, переносит события на века вперед, заглядывает в тысячелетние глубины истории. И вот оно, то, что жгло душу и сердце нестерпимым жаром, но в конце концов сконцентрировалось всего-то на пяти страничках формата А4 (двенадцатым кеглем шрифта «Нью Таймс» – требование журнала).

Выстоял. Натерпелся. Добился – признан профессионалами.

Получи документ – билет члена Союза писателей страны!

«Всё, прочь сомненья? Ты – писатель!» – уже без подколов замечает ОН.

Ты говоришь слова благодарности таким же, как и ты, вечно сомневающимся в своих талантах и призвании людям. Тем, которые сочиняют поэмы и стихи, романы и рассказы. Теперь ты знаешь: они пишут не затем, чтобы с апломбом называть себя писателями и поэтами, а потому что не могут не писать.

Как и ты...